

Из истории сопротивления единоличного крестьянства Сибири массовой коллективизации

В январе 1934 г. в Москве состоялся XVII съезд ВКП(б), который сталинская пропаганда оценила как «съезд победителей». У партийно-советской элиты было много оснований для празднования на съезде, но главным из них, без сомнения, была победа над российским крестьянством. Сплошная коллективизация в целом была завершена, сопротивление крестьян сломлено, позади остался 1933 г. – один из самых драматичных в истории сталинской «революции сверху». В результате, по характеристике Ю.А. Мошкова, к началу 1934 г. «возникло состояние относительной стабилизации положения в сельском хозяйстве, некоего неустойчивого равновесия между властью и крестьянством. Большинству колхозников пришлось свыкнуться с мыслью, что их труд в общественном секторе идет в пользу государства, а их собственное существование в значительной степени зависит от того, что они получают от своего огорода и своей коровы»¹.

Однако к 1934 г. приблизительно треть крестьянских хозяйств России все еще сохраняла свое единоличное состояние. В то время как основная масса колхозного крестьянства смирилась со своим подневольным положением и пыталась адаптироваться к новым условиям, в том числе за счет развития личных приусадебных хозяйств, отходничества, систематического уклонения от работы в колхозе или работы «спустя рукава», единоличники всеми силами пытались сохранить свою самостоятельность. Это обстоятельство расценивалось руководством СССР как главная причина замедления темпов сплошной коллективизации, что, в свою очередь, привело к смене государственного курса в деревне, который, начиная с середины 1934 г., стал ориентироваться на полную ликвидацию крестьян-единоличников как социальной группы. В качестве главного рычага ликвидации единоличных хозяйств служило налогообложение, которое, по оценке В.А. Ильиных, с этого времени стало носить в их отношении реквизиционный характер².

Резкое увеличение ставок сельскохозяйственного налога для единоличников, равно как размеров самообложения и сборов на культурно-бытовые нужды села, изменение принципов привлечения единоличных хозяйств к обязательным поставкам зерна, молока и мяса, введение для них осенью 1934 г. дополнительного («единовременного») налога³, а также предоставление судебным органам дополнительных прав, позволяющих производить конфискацию имущества единоличников в случае

невыполнения ими денежных налогов и государственных поставок, вели к разорению и резкому сокращению числа единоличных хозяйств⁴.

Налоговое давление со стороны государства закономерным образом вызвало сопротивление единоличных крестьян, выразившееся в первую очередь в отказе платить налоги и выполнять натуральные государственные поставки. Нередко во главе «саботирующих» единоличников оказывались верующие, в первую очередь представители православных и протестантских «сект». Из них же формировались группы, наиболее бескомпромиссно выступавшие против разорительного налогообложения и апеллировавшие при этом к авторитету христианских норм и заповедей. В результате деятельность «сектантов», сопротивлявшихся вступлению в колхозы и агитировавших за отказ от уплаты налогов и от выполнения государственных обязательств, стала причиной серьезной обеспокоенности как местных властей, так и высшего партийно-советского руководства СССР. Особую тревогу у них, особенно на завершающем этапе коллективизации, стала вызывать способность «сектантов» выполнить роль объединяющего фактора для единоличников и содействовать формированию устойчивых групп, годами отказывавших местным властям в повиновении.

В настоящей статье, написанной в жанре микроистории, ставится задача изучить сопротивление коллективизации в 1929–1935 гг. группы верующих-единоличников села Плешково⁵ Плешковского сельского совета Бийского района Западно-Сибирского края. Это позволит исследовать как направления, формы и методы борьбы власти с единоличным крестьянством, так и лучше понять и охарактеризовать жизненные миры сибирского крестьянства, проанализировать социальные стратегии и практики, благодаря которым единоличники превратились в 1930-е годы в настоящих «мастеров» выживания, оценить возможности и границы их адаптации к новым общественно-политическим и хозяйственным реалиям. Специфика исследуемого явления заключается не только в экстраординарной по своему упорству и длительности попытки крупной крестьянской группы поступать в течение многих лет наперекор власти, но и в том, что потребовалось личное вмешательство И.В. Сталина и решение Политбюро ЦК ВКП(б), чтобы положить этому конец.

Поскольку постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1935 г. и телеграмма партийного руководства Западно-Сибирского края от 21 апреля 1935 г., на основании которой было принято соответствующее постановление, послужили для настоящей статьи ключевыми документами, вне контекста которых дальнейшее рассмотрение вопроса является проблематичным, имеет смысл процитировать их полностью.

Телеграмма секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе, отправленная шифром 21 апреля 1935 г. в 19.40 из Новосибирска гласила: «Москва. ЦК ВКП(б). т.т. Сталину, Молотову. В Плешковском сельсовете Бийского района проживало больше ста семей баптистов⁶, которые демонстративно отказываются выполнять мероприятия Советской власти, ряд лет открыто саботируют ее мероприятия и не выполняют никаких государственных обязательств, чем разлагают окружающее население и вызывают возмущение со стороны лучшей части колхозников. За последние 2–3 года за контрреволюционные выступления половина их осуждена. Сейчас отказались сеять⁷. На вопросы представителей власти и следственных органов не отвечают. О[б] их поведении было доложено во время пребывания в крае т.т. Молотову и Кагановичу⁸. Считаю политически необходимым выселить оставшиеся 55 семейств в административном порядке органами НКВД в Нарымский округ. Просим это мероприятие санкционировать»⁹.

23 апреля 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело опросом «вопрос о баптистах, саботирующих мероприятия Советской власти (телеграмма т. Эйхе)». В поддержку предложения Р.И. Эйхе высказались И.В. Сталин, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, Г.К. Орджоникидзе, М.И. Калинин и В.Я. Чубарь. 26 апреля 1935 г. это решение было документально оформлено постановлением Политбюро (протокол заседания № 24, пункт 190): «Поручить НКВД выселить в административном порядке из Бийского района Западной Сибири в Нарымский округ 55 семейств баптистов, саботирующих мероприятия Советской власти»¹⁰. Соответствующие выписки из протокола заседания были направлены Р.И. Эйхе и наркому внутренних дел Г.Г. Ягоде.

Необходимо отметить, что практически одновременно с постановлением о выселении плешковских «саботажников» Политбюро приняло еще два аналогичных решения о депортациях групп верующих, в течение ряда лет упорно отказывавшихся от уплаты налогов. В тот же день, 26 апреля 1935 г., Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало высылку в спецпоселки Вахшстроля¹¹ Таджикистана целиком всей колонии меннонитов пос. Ак-Мечеть Хивинского района Хорезмского округа (78 семей – 323 чел.), саботировавших в течение ряда лет выполнение сельхозналога, мясopоставок и контрактацию хлопка, а также «дезорганизующих своей работой окружающие колхозы и единоличников»¹². 1 июня 1935 г. Политбюро удовлетворило ходатайство Воронежского обкома ВКП(б) о выселении из Моршанского района в Нарымский округ 16 семей (84 человека) из секты «молчальников», систематически отказывавших-

ся на протяжении 1934–1935 гг. от выполнения государственных обязательств и какого-либо общения с представителями властей¹³.

Предыстория же депортации плешковских «баптистов» такова. Группа единоличников Плешково Бийского района под руководством Г.Т. Смертина¹⁴, К.Г. Ходырева, М.Д. Ходырева и Г.П. Зыбарева, начиная с 1928 г., систематически отказывалась от выполнения государственных обязательств и контактов с представителями властей¹⁵. Первоначально в состав группы входило около 20 баптистов и православных. В 1929 г. Г.Т. Смертин был осужден на три года лишения свободы, в декабре 1930 г. были арестованы и осуждены еще семеро вожаков группы. Но, как отмечали чекисты, «после ликвидации и изъятия семи человек главарей группировки работа последней в с. Плешково не прекратилась, оставшиеся же на месте родственники Ходыревых и Зыбаревых, которых [мы] надеялись разложить путем воздействия [со стороны] сов[етских] организаций, продолжали по-прежнему [...] по сговору не подчиняться никаким распоряжениям представителей власти»¹⁶. О групповой спайке свидетельствовало также то, что единоличники наотрез отказывались разговаривать с членами сельского совета. Так как при вызовах в сельский совет и различные комиссии члены группы ссылались на Евангелие и при обращении к ним представителей власти они свои руки складывали крестом, на селе их прозвали баптистами. Летом 1931 г. чекистами в рамках агентурной разработки «Непримиримые» было проведено изъятие еще 12 членов группы, в том числе семерых Ходыревых и двух представителей семьи Зыбаревых, которые после четырехмесячного следствия были освобождены как «социально близкие». Тем не менее в октябре 1931 г. трое из них были вновь арестованы и осуждены в судебном порядке¹⁷.

В 1932 г. за отказ от выполнения государственных обязательств, отказ ехать на лесозаготовки и саботаж мероприятий Советской власти были осуждены 30 жителей Плешково. Арест членов первой группы в составе 25 «баптистов-сектантов», в том числе двух православных священников и двух монахинь, был произведен 25 марта 1932 г., а 13 июня 1932 г. все они были осуждены Особой тройкой Полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Западно-Сибирскому краю к трем и пяти годам лишения свободы по ст. 58-10, 11 УК РСФСР.

Помимо традиционных обвинений в невыполнении государственных обязательств и срыва проводимых на селе мероприятий партии и Советской власти, в вину им ставилось написание антисоветских листовок. Одна из них гласила: «Кто верует в Бога миряни не здавайте анчихристу хлеб и скот. Бог нам поможет состояние против их. Больше-

виков скоро не будит терпите»¹⁸. Во другой говорилось: «Не помогайте коммунистам, ето антихристы прятайте хлеб а то помрете сами стгоду не давайте скотину зареж ее себе большевиков скоро не будит поднимайтесь войной весь белый свет пойдет на антихристов и их побьют потом будит хорошо терпите скоро»¹⁹.

Авторитет «саботажников» среди крестьян был настолько велик, что в ноябре 1931 г. сельсовет в течение пяти дней не мог созвать общее собрание граждан для принятия плана хлебозаготовок, и только после временной изоляции милицией тринадцати человек в «каталажной тюрьме» собрание удалось провести²⁰. Пятеро участников второй группы во главе с И.Г. Черданцевым были также арестованы в один день – 14 сентября 1932 г. и осуждены Особой тройкой при ПП ОГПУ Западно-Сибирского края 14 ноября 1932 г. к срокам от трех до десяти лет²¹. В вину им ставилась попытка «вновь оживить антисоветскую деятельность группы» путем агитации за отказ от выполнения хлебозаготовок.

Хлебозаготовительная кампания 1933 г. вызвала новый крупный конфликт религиозных нонконформистов и местных властей. Если весной 1933 г. в группе «баптистов» состояло 10–12 хозяйств, то к сентябрю 1933 г. их число увеличилось уже до пятидесяти. В Плешково были сорваны посевная, уборочная, мясозаготовительная кампании и под угрозой оказались хлебозаготовки. Но на этот раз местные власти решили апеллировать уже к авторитету Центра, косвенно признавая свою неспособность справиться с ситуацией. 4 сентября 1933 г., рассмотрев на своем заседании вопрос о саботаже со стороны 53 единоличных хозяйств Плешковского сельсовета, «выразившемся в отказе приема платежных извещений по хлебу, а также и налогам», Бийский райком ВКП(б) во главе с секретарем Малышевым обязал начальника Бийского районного отдела ОГПУ Ф.Г. Худолеева-Громова провести расследование, а также постановил: «Принимая во внимание проявление из года в год организованного саботажа со стороны значительного количества единоличных хозяйств мероприятиям, проводимым на селе, просить крайком ВКП(б) о разрешении изъятия по линии ОГПУ руководителей и организаторов этой группы»²².

Спустя два дня, 6 сентября 1933 г., 20 единоличников во главе с Г.Т. Смертиным, П.М. Казакеевым и Г.Т. Мосаковым были арестованы чекистами. Как отмечалось в составленном бийскими чекистами обвинительном заключении, «в 1933 г. с апреля месяца группа была организационно оформлена, в руководство которой встал кулак, 7 раз осужденный за а[нти]с[оветскую] деятельность Смертин Григорий Трофимович, и уже с мая месяца группа активизировалась путем проведения

нелегальных собраний под предлогом чтения священных книг, на каждом проводимом группой собрании стояли вопросы об организованной борьбе с Сов[етской] властью, о срыве проводимых сельскохозяйственных кампаний [...]. С 1929 года по октябрь месяц 1933 года группой не уплачено разных налогов [в сумме] 27 924 руб. и не выполнено гос[ударственных] обязательств 6 869,3 цент[неров]. Задачи группировки были как можно больше втягивать в группу неплательщиков, саботирующих все гос[ударственные] обязательства»²³.

На допросах арестованные держались независимо. Один из них, Кондратий Ходырев, так объяснял категорический отказ платить налоги: «Коль мы не будем платить налогов, Советской власти нечем будет платить долги иностранцам, а раз не будут платить долги, значит будет война, а война, конечно, должна разрешиться в пользу иностранцев лишь потому, что в данный момент очень много народа, недовольных существующим строем»²⁴.

Но если даже Ходырев и его товарищи и верили в эту теорию, придуманную деревенским философом, к безоглядному сопротивлению их двигала обида и ненависть к власти, не только заставлявшей их жить по непонятным жестоким законам, но и причинившей много горя и страданий им и их близким. Дилемма большевистского насилия заключалась в том, что оно с необходимостью порождало все больше и больше «обиженных и оскорбленных», которые со временем превращались в настоящих врагов власти, что вызывало новый виток насилия.

Биографии 20 человек, осужденных 25 октября 1933 г. судебной тройкой ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю к 10 годам лишения свободы, не оставляют в этом сомнения. У Г.Т. Смертина была осуждена и выслана жена, расстрелян младший брат, два сына отбывали наказание в Сиблаге по ст. 58-11 УК. П.М. Казакеев репрессировали в 1931 г. на год за отказ от выполнения государственных обязательств, а его брат был раскулачен и осужден, сын отбывал наказание за отказ служить в РККА. Г.Т. Мосаков дважды привлекался к административной ответственности за невыполнение государственных обязательств, а в 1932 г. находился под следствием. К.Г. Ходырев был осужден на два года лишения свободы и пять лет высылки, его четыре сына отбывали наказание по ст. 58-11 УК. И.А. Чернов привлекался в 1933 г. к административной ответственности за невыполнение государственных обязательств. Два брата и отец А.П. Зыбарева репрессировались по ст. 58-11 УК. Сам он находился под следствием по этой же статье. А.Д. Корналева за невыполнение государственных обязательств в 1931 г. по ст. 61 УК осудили к году лагерей. А.А. Пуризова за аналогичную провинность суд приговорил в

1931 г. к полутора годам. За это же отбывал наказание Н.В. Недобежкин. «Лишенец» А.Н. Решетов в 1933 г. находился под следствием. Г.И. Чернов и Е.Д. Барбошин привлекались в 1933 г. к административной ответственности за невыполнение государственных обязательств. И.А. Чернова (однофамильца первого) осудили по ст. 109 УК на полтора года «за разложение РККА». Г.В. Мерзликина в 1931 г. решением суда приговорили к году лишения свободы за невыполнение государственных обязательств. М.В. Фролов находился под следствием по обвинению в преступлениях по ст. 58-11 УК. В.Н. Вагина сельский суд в 1933 г. осудил за невыполнение государственных обязательств. Н.И. Клиников привлекался в 1933 г. в административном порядке за невыполнение государственных обязательств. А.Н. Паксеева в 1928 г. осудили по ст. 162 УК, в 1933 г. он привлекался к ответственности в административном порядке. И.И. Шахов дважды привлекался в 1933 г. к административной ответственности за невыполнение государственных обязательств, Я.П. Ходырев – дважды штрафовался в административном порядке, а один из его братьев отбывал наказание по ст. 58-11 УК²⁵.

Судя по всему, в результате осуждения двадцати наиболее активных членов группы власти на какое-то время добились умиротворения села. По крайней мере, данные об арестах в селе в 1934 г. не обнаружены. Очередная группа плешковских «саботажников» в составе шести человек была арестована 4 апреля 1935 г., за две недели до отправки телеграммы Р.И. Эйхе. Поводом для ареста послужило постановление Плешковского сельского совета от 2 апреля 1935 г., потребовавшего от «районных следственных органов» привлечь к судебной ответственности «группу людей, которые ряд лет не выполняют своих обязательств перед государством, организуют явный саботаж и нынешний год, категорически отказываются принимать план посева»²⁶. 13–14 мая 1935 г. выездной сессией спецколлегии Западно-Сибирского краевого суда в Бийске двое из них – Т.Г. Иванов и И.С. Комов – были осуждены к высшей мере наказания, остальные – И.Н. Гладких, В.С. Мерзликин, М.Г. Иванов и Д.Г. Коновалов – к заключению в концлагеря сроком на пять и десять лет²⁷.

Все шестеро относились к социальным группам, традиционно подвергавшимся гонениям в СССР – верующие и единоличники, бывшие осужденные. Так, Т.Г. Иванов в 1930 г. был осужден на пять лет, В.С. Мерзликин в 1932 г. репрессирован за отказ от военной службы и имел двух осужденных родственников, Д.Г. Коновалов в 1933 г. был осужден на год по ст. 74 УК. Как следует из приговора суда, группа с 1929 г. под руководством «кулака Смертина» занималась контррево-

люционной деятельностью, направленной «на срыв и противодействие всех мероприятий Советской власти», систематически проводя нелегальные собрания, не пуская своих детей в школу, отказываясь признавать сельсовет и выполнять все государственные обязательства. 72 хозяйства, входившие в состав группы, за время с 1930 г. по 1935 г. не внесли налогов на общую сумму 39 941 руб., не сдали в счет государственных поставок 84 центнера мяса²⁸.

На допросах они пытались отстаивать свою позицию. В частности, Т.Г. Иванов заявлял: «Да, я принять посевной план, доведенный сельсоветом, отказался вследствие того, что каждое обязательство должно быть добровольно в свободной стране [...]. Я отказываюсь не только от принятия посевного плана 1935 г., но и от других обязательств. Я отказывался, отказываюсь и буду отказываться от мясоналога, культсбора, всех без исключения платежей, от участия в дорожном, школьном и другом строительстве, от участия в лесозаготовках, от службы в Красной Армии и других, так как ничего этого мне не нужно [...]. Мне нужна такая власть, которая обеспечила бы свободу крестьянам и независимость, эта же власть никакой свободы для крестьян не дает и не обеспечивает»²⁹. После вынесения приговора плешковцы категорически отказались от получения копий приговора для обжалования, от подачи кассационных жалоб, равно как и от каких-либо других подписей.

«Операция по выселению» 45 кулацко-зажиточных хозяйств³⁰ из Плешково Бийского района была проведена сотрудниками управления НКВД по Западно-Сибирскому краю 11 мая 1935 г. Всего подлежало «изъятию» 163 человека, из них мужчин – 24, женщин – 58, детей – 81. Чекистам удалось «изъять» 157 человек; еще шестерых планировалось задержать дополнительно. Как сообщалось 22 мая 1935 г. в специальном сообщении секретно-политического отдела главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД о выселении кулацко-антисоветского элемента из Бийского района Западно-Сибирского края, адресованном Г.Г. Ягоде, Я.С. Агранову и Г.Е. Прокофьеву, «из числа изъятых имеется только 6 глав семей, остальные главы ранее осуждены и отбывают наказание». 14 мая 1935 г. выселяемые были погружены в Бийске на баржу и «направлены в трудпоселки Нарымского округа»³¹.

Когда автор «спецсообщения», помощник начальника 5-го отделения ГУГБ НКВД Голубев сообщил, что «при выселении эксцессов не было», он явно лукавил или не обладал полной информацией. Как следует из спецсообщения управления НКВД по Западно-Сибирскому краю, подписанного заместителем начальника управления НКВД М.А. Волковым, выселяемые плешковцы в Бийске отказывались брать

свои вещи и грузить их на баржу, и их в результате были вынуждены грузить привлеченные к операции милиционеры и чекисты. 13 мая 1935 г. еще на берегу плешковцы при раздаче хлеба отказывались называть свои фамилии и отвечать на вопросы. Сотрудники НКВД в ответ арестовали «зачинщика» этого пассивного сопротивления, и только после этого в настроении высланных «наступил перелом». Они стали отвечать на вопросы, перенесли на баржу остальную груз, подоили коров, предназначенных для детей переселенцев. Выселяемые были обеспечены также лошадьми, телегами и сбруей, а также сельскохозяйственными орудиями. Можно только догадываться, какая судьба ожидала их в «погибелном» Нарыме – чекисты констатировали нехватку семенного зерна для озимого сева и наличие трудоспособных мужчин только в 19 из 46 семей³².

После высылки «саботажников» Бийский райком ВКП(б) развернул массово-разъяснительную работу среди крестьян Плешковского сельсовета. Как констатировал М.А. Волков, «большинство колхозников и значительная часть единоличников к выселению саботажников сева отнеслись положительно [...]. Однако перелом в настроении единоличников еще недостаточен. Темпы сева в единоличном секторе после выселения 46 хозяйств еще неудовлетворительны и не обеспечивают окончания сева в намеченный срок»³³.

Справедливости ради надо отметить, что локальная депортация 163 жителей Плешково была лишь эпизодом, хотя и весьма заметным, на фоне массовой высылки на север из сел и деревень Западной Сибири единоличников, «саботирующих сев». Соответствующее постановление «выслать по 5–10 хозяйств [...] из сел, имеющих большой процент единоличников», было принято Политбюро ЦК ВКП(б) опросом 20 мая 1935 г. в ответ на телеграмму Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинского³⁴. В ходе карательной акции во исполнение решения Политбюро из 55 районов края было вывезено 588 хозяйств или 2 615 человек, еще 2 612 единоличников были привлечены органами НКВД к уголовной ответственности по ст. 61, 73, 79 и 58 УК РСФСР «за саботаж подготовки сева и обязательств по посеву». В целом по СССР за январь – май 1935 г. из мест проживания было выселено около 21 тыс. семей общим количеством примерно в 100 тыс. человек³⁵.

Возможно, именно массовый отказ плешковцев сеять стал последней каплей, переполнившей чашу терпения краевых властей. План посева, доведенный единоличникам Плешковского сельсовета в размере 1932 га, был на 14 мая 1935 г. выполнен только на 25,3 %, в то время как в колхозном секторе – на 72,4 %. Как констатировали чекисты,

«подвергшиеся выселению вели среди единоличников агитацию за отказ от получения заданий по севу и от выполнения обязательств по хлебопоставкам. Особенно большое значение имел личный пример этих хозяйств, категорически отказывавшихся от сева»³⁶.

Можно с большой долей уверенности предположить, что случай с плешковскими «саботажниками» был в своем роде уникален для Сибири по длительности пассивного сопротивления, оказанного властям относительно устойчивой локальной группой крестьян. Сам же факт образования такой группы, костяк которой составляли «сектанты», был для Сибири первой половины 1930-х годов вполне обыденным явлением. Партийные и советские работники районного звена традиционно расценивали «сектантов» в качестве одних из главных противников коллективизации. Так, реагируя на директиву Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 27 марта 1933 г., в которой районному руководству давалось указание подготовиться к массовой операции по очистке колхозов, совхозов, предприятий и выселению из сельской местности «классово враждебного элемента», функционеры Назаровского района предложили в том числе выселить «баптистов – руководителей баптистских кружков – занимающихся антисоветской агитацией»³⁷.

С аналогичным предложением, содержавшимся в докладной записке о крестьянах – единоличниках и необходимости изменения политики по отношению к ним, в июне 1934 г. выступило руководство Иконниковского райкома ВКП(б). Как следует из записки, «бригадирами единоличников», возглавлявшими их и оказывавшими наиболее активное сопротивление попыткам властей привлечь единоличников на помощь совхозам и колхозам, являлась «самая меньшая, но самая твердая, антисоветски настроенная» группа в составе бывших кулаков и верующих. В качестве наиболее показательного примера приводилась попытка привлечь население пос. Круглый Бутовского сельсовета на помощь совхозу № 229. Население поселка – «единоличники, и притом много из них баптистов», наотрез отказалось: «Никуда работать не пойдем, мы вам не батраки». Районное руководство видело только один способ успешного завершения коллективизации – удалить из деревни все «кулаческие» и антисоветские элементы и усилить налоговое давление на единоличников³⁸.

Пассивное сопротивление оказывали властям также сектанты-иоанниты³⁹ Тюменцевского района Западно-Сибирского края. Судебной тройкой ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю 25 октября 1933 г. к пяти и десяти годам лишения свободы были приговорены 23 жителя сел Мезенцево, Макарово, поселков Тульский и Нижне-Медведский Тю-

менцевского района, арестованные 9 сентября 1933 г. Члены секты, именовавшие себя «божанами», по имени одного из руководителей секты, «твердозаданца» Дмитрия Божана, считали Советскую власть порождением антихриста и отказывались вступать в колхозы, платить налоги, продавать государству продукты, саботировали хлебозаготовки и т. д.⁴⁰ Ряд данных дает также основание предполагать, что в ходе ликвидации данной организации «церковников» вместе с сектантами-иоаннитами был репрессирован ряд баптистов, проживавших с ними по соседству в селе Усть-Мосиха Ребрихинского района. Здесь к 1933 г. насчитывалось около ста человек, которые также отказывались нести воинскую повинность, вступать в колхозы и платить налоги⁴¹.

Осенью 1935 г. чекистами Тюменцевского района была «вскрыта» очередная группа иоаннитов поселков Тульский и Нижне-Медведский, саботировавших требования властей. 15 человек во главе с бежавшим из Бамлага И.И. Мельниковым были арестованы «в момент помола зерна на своей нелегальной мельнице, замаскированной в яме, на которой рос подсолнух и куда была проведена сигнализация»⁴². Аналогичные ямы, вырытые под домами, в огородах и других местах, «сектанты» также использовали «для нелегальных сборищ». Ядро группы составляли шестеро человек, уже репрессированных как «божане» в 1933 г., однако совершивших побег из мест заключения или досрочно освобожденных. Дело вел опытный сотрудник секретно-политического отдела управления НКВД Западно-Сибирского края М.А. Буйницкий, в течение 1930-х годов специализировавшийся на «религиозниках». Как гласил приговор выездной сессии краевого суда⁴³ под председательством Н.Г. Афанасьева от 9–11 сентября 1935 г, верующие «из года в год не выполняли государственных обязательств», в 1935 г. поставили «себе в задачу организовать контрреволюционный саботаж по выполнению государственных обязательств по зернопоставкам», для выполнения этой цели собирали нелегальные собрания и вели контрреволюционную агитацию среди единоличников Мезенцевского сельсовета. В итоге пятеро обвиняемых были приговорены к расстрелу, остальные – к пяти – десяти годам заключения в концлагеря. Показательно, что Ребрихинское районное отделение НКВД тут же возобновило законсервированную оперативную разработку «Заклятые» в отношении «сектантов» села Усть-Мосиха, начатую еще в 1933 г.

О том, как верующие могли выступать в деревне в качестве центра антиколхозной сопротивления, также наглядно свидетельствуют материалы процесса над группой баптистов села Тяхта Кытмановского района Западно-Сибирского края, прошедшего в сентябре 1935 г. На ска-

мье подсудимых оказались баптисты Т.М. Петренко, А.К. Кавешников и С.Г. Черков. Все трое – единоличники, в прошлом зажиточные крестьяне, обвинялись в антисоветской агитации, отказе от уплаты налогов, невыполнении хлебозаготовок и мясоставок⁴⁴. Руководитель религиозной группы, существовавшей с 1905 г. и состоявшей на то время из 12 «братьев» и пяти «сестер», Т.М. Петренко ходил с Евангелием по домам колхозников, проповедовал, причем в ходе проповедей неоднократно заявлял, что колхозы развалятся, на их месте возродятся религиозные общины, «не будет их [колхозов] и также не будет и Советской власти»⁴⁵. А.К. Кавешников призывал односельчан выходить из колхоза, так как «там антихристы кормятся чужим трудом»⁴⁶.

Но самым большим преступлением, с точки зрения суда, было то, что ряд крестьян стал поступать по примеру баптистов. 12 домохозяев, жившие с ними на одном участке, отказались производить платежи в пользу государства, в результате чего «сельсовет уборочную сорвал, хлебопоставки не выполняет по колхозам, а единоличный сектор совсем ничего не выполняет, получают массовые невыходы на работу колхозников и сам выход из колхозов»⁴⁷. На суде Т.М. Петренко откровенно заявил: «Я борец с Советской властью и с бандитами Советской власти, работники все Сов[етской] власти – самозванцы, которых не выбирают, а они сами поступают и лезут со свиным рылом в советский огород [...]. У колхозников глаза собачьи». Петренко был осужден по статье 61-3 УК на два года и по статье 58-10 УК – к пяти годам ссылки с конфискацией имущества, А.К. Кавешников – к двум годам лишения свободы и С.Г. Черков – к году исправительно-трудовых работ⁴⁸. В марте 1936 г. Т.М. Петренко был повторно осужден за антисоветскую агитацию к пяти годам лишения свободы выездной сессией краевого суда под председательством Т.Т. Блекиса.

Карательные акции в отношении непокорных жителей Плешково не ограничились судебными процессами и высылкой 1935 г. В ходе так называемой «кулацкой» операции по приказу НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. алтайскими чекистами было сфабриковано дело «контрреволюционной монархической повстанческой организации церковников в г. Бийске и с. Плешково» во главе с благочинным церкви Бийского района отцом Петром (Мильским). В 1950-е годы бывший начальник Алтайского районного отделения НКВД Л.И. Иванов дал подробные показания о том, как осуществлялись аресты в Плешково: «Группе сотрудников Бийского РО МВД⁴⁹, в которую входил и я, руководством Бийского РО НКВД было дано задание выехать в с. Плешково и собрать там данные на ранее судимых за контрреволюционные пре-

ступления, на кулаков, на лиц, плохо выполняющих госпоставки, на лиц, не вступающих в колхозы и ведущих антиколхозные и антисоветские разговоры. Это задание нами было выполнено. На таких лиц мы получили от сельсовета отрицательные справки-характеристики, допросили несколько свидетелей о некоторых фактах антисоветских и антиколхозных высказываний, имевших место со стороны этих людей, и все эти материалы привезли начальнику РО НКВД. Примерно через месяц была создана опер[ативная] бригада, которой было поручено произвести в с. Плешково арест всех тех лиц, на которых мы привезли материалы [...]. Я помню, что до первого выезда в с. Плешково я видел неофициальные материалы на некоторых из арестованных по этому делу о том, что они допускают антисоветские проявления, направленные против коллективизации, и расхваление единоличного пользования землей»⁵⁰.

Всего в рамках дела «организации церковников» в июле–августе 1937 г. в Плешково было арестовано 52 человека, причем подавляющее большинство – в один день, 28 июля 1937 г. Постановлением тройки при управлении НКВД по Западно-Сибирскому краю от 18 августа 1937 г. девять человек из Плешково были приговорены к заключению в концлагеря, остальные – к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в Бийске 27 августа 1937 г. Из 52 человек ранее был ранее осужден 31 человек, в том числе в рамках вышеупомянутых дел, еще семеро были раскулачены, высланы и бежали из ссылки. Остальные 14 человек входили в состав церковного совета либо характеризовались как бывшие кулаки и лица «без определенных занятий»⁵¹.

Следовательно, в Плешково в 1937 г. чекисты осуществили целенаправленную и, с их точки зрения, вполне обоснованную селекцию жертв, выбирая уже отмеченных клеймом осуждения, высылки, раскулачивания и т. п. Единственной крупной фальсификацией с их стороны стало объединение арестованных в «монархическую церковную организацию»⁵². Еще две группы жителей Плешково в количестве 13 и 12 человек были осуждены тройкой управления НКВД по Алтайскому краю 28 ноября и 28 декабря 1937 г. В качестве отягчающего обстоятельства у подавляющего большинства в приговоре указывалось: «без определенных занятий»⁵³. Печальная «плешковская история» очень важна с точки зрения адекватного понимания причин арестов и алгоритма действия карательных органов на местах в ходе массовых операций НКВД 1937–1938 гг. Совершенно очевидно, что речь здесь идет о совершенно целенаправленном терроре, что опровергает распространенную в историографии точку зрения об эксцессивных, «слепых» репрессиях. Принцип действия органов НКВД в отношении преследования жи-

телей Плешково, который для «кулацкой» операции скорее был типичным, чем исключительным, совсем не напоминает знаменитый образ «Большого террора», принадлежащий перу американского историка-«ревизиониста» Дж. Арч Гетти: сумасшедший, забравшийся на башню с оружием в руках и открывший беспорядочную стрельбу по толпе.

Таким образом, можно утверждать, что отказ от выполнения государственных обязательств, имевший в середине 1920-х годов в деревне эпизодический и случайный характер, стал в первой половине 1930-х годов одним из главных способов сопротивления единоличного крестьянства колхозной системе. Сопротивление локальных групп единоличников приобрело особо устойчивый характер, если они состояли из верующих – «сектантов», связанных родственными связями и возглавлялись самобытными лидерами с острым чувством справедливости и собственного достоинства. По сути дела, жесткий нонконформизм единоличников, сводившийся в идеале к полной самоизоляции от государства и хозяйственной автаркии, являлся оборотной стороной стратегии «политической мимикрии» колхозного крестьянства.

В свое время Габор Риттершпорн, размышляя о несоответствии грандиозности процесса коллективизации и размаха крестьянского протеста, в том числе о небольшом, с его точки зрения, количестве антиколхозных вооруженных выступлений, сделал вывод о высокой степени адаптации крестьянства к новым условиям, созданию им некой «антикультуры» в рамках коллективизированной деревни⁵⁴. Этот вывод справедлив, но только отчасти. Масштаб истинного размаха пассивного крестьянского сопротивления в 1930-е годы еще не оценен в должной мере. О том, насколько опасным было для власти «оружие слабых», наглядно свидетельствует история «саботажников» из сибирского села Плешково.

¹ Мошков Ю.А. Советское сельское хозяйство и крестьянство в середине 1930-х годов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти томах. М., 2002. Т. 4 (1934–1936). С. 7.

² Политика раскрестьянивания в Сибири. / Отв. редакторы В.А. Ильных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2000. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. С. 5, 66–74. За увеличение налогового давления на единоличников высказались практически все участники совещания в ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации, состоявшегося 2 июля 1934 г., в том числе И.В. Сталин. Он, в частности, заявил о необходимости «в порядке экономических и финансовых мероприятий воспитать, перевоспитать [индивидуалов] и дать понять, что им выгоднее быть в колхозе, чем в индивидуалах находиться [...]». Очевидно, надо усилить налоговый пресс, но я против того, чтобы усилить этот пресс так, чтобы от него, у индивидуала, ничего не осталось». (См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 191).

³ Инициатором введения налога стал В.М. Молотов. 13 сентября 1934 г., находясь в Омске, он предложил издать декрет об единовременном налоге в размере 300 млн руб., мотивируя предложение ростом денежных доходов единоличных хозяйств и необходимостью создать

«дополнительный нажим на единоличника [...] для улучшения дела с хлебозаготовками». (См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 219).

⁴ По данным В.А. Ильиных, с 1 октября 1934 г. по 1 января 1935 г. количество единоличных дворов в Западно-Сибирском крае уменьшилось с 305,7 до 253,3 тыс. (на 17,1%), к осени 1935 г. их осталось в два раза меньше, а к лету 1936 г. вновь произошло двукратное сокращение численности. На 1 октября 1936 г. в крае насчитывалось 58,6 тыс. семей единоличников, что составляло 7,8 % от общего числа крестьянских дворов. (См. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 71).

⁵ Сегодня – село Плешково Зонального района Алтайского края, центр Плешковского сельского совета, население – около 1,3 тыс. жителей. Основано в 1777 г. старообрядцами во главе с Аникой Плешковым, чьим именем и названо, на берегу озера Иткуль. Одно из крупнейших старожильческих сел Алтая. Во время описываемых событий насчитывало около тысячи крестьянских дворов.

⁶ Скорее всего, Р.И. Эйхе, опираясь на данные, предоставленные сотрудниками НКВД и местными властями, ошибочно называет конфессиональную принадлежность группы плешковских «саботажников». Не отрицая наличие среди них баптистов, есть основание предполагать, что речь идет в основном о православных, образовавших группу, близкую по своим убеждениям к Истинно-Православной церкви.

⁷ В соответствии с постановлением III сессии ЦИК СССР о единоличниках (1933 г.), хозяйства, саботировавшие доводившиеся до них планы посева и упорно не желавшие обрабатывать свою землю, привлекались к уголовной ответственности с лишением приусадебного участка и в отдельных случаях – с высылкой из мест проживания. (См.: Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие решения Коммунистической партии и советского правительства. 1927–1935. М., 1957. С. 486).

⁸ О поездках в Сибирь высокопоставленных сталинских эмиссаров см.: *Панков С.А.* Каганович в Сибири: погромные акции 1929–1936 гг. // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2008. Вып. 2. С. 589–596. В.М. Молотов проинспектировал главные зернопроизводящие районы Алтая и Западной Сибири 6–19 сентября 1934 г., Л.М. Каганович – во второй декаде октября 1934 г.

⁹ АПРФ. Ф. 30. Оп. 30. Д. 197. Л. 50. Документ опубликован вместе с нашими комментариями: (См.: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. В 2-х кн. Отв. редактор Н.Н. Покровский. М., 2005. Кн. 1. С. 667, 839–840).

¹⁰ АПРФ. Ф. 30. Оп. 30. Д. 197. Л. 49; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. Кн. 1. С. 669–670. О решении Политбюро выслать из Бийского района 55 семейств баптистов упоминает также О.Б. Мозохин. (См.: *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 142).

¹¹ Речь идет о строительстве отводного магистрального канала для орошения долины реки Вахш.

¹² Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. Кн. 1. С. 668, 671–672, 840–841.

¹³ Там же, С. 670–673. Эти постановления Политбюро ЦК ВКП(б) были отнюдь не первыми решениями высших органов власти СССР, санкционирующими высылку группы граждан по конфессиональному признаку за отказ от выполнения государственных обязательств. Очевидно, первое подобное постановление было принято 6 июля 1929 г. Антирелигиозной комиссией при ЦК ВКП(б) в отношении членов секты так называемых «краснодраконовцев». Тогда комиссия решила подвергнуть высылке в «отдаленные местности» СССР до сотни отдельных хозяйств «краснодраконовцев». Название «краснодраконовцы» использовалось, как правило, представителями советской власти, т. к. члены данной группы верующих сравнивали советскую власть с драконом Апокалипсиса. Самоназвание возникшего около 1923 г. в Центрально-Черноземной области религиозного течения православного толка – «федоровцы». «Федоровцы» срывали хлебозаготовки, отказывались от государственных платежей, призывали население к отказу от подписки на займы. Судебные процессы над активом «федоровцев» прошли в Воронеже осенью 1929 г. и весной 1930 г. (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 41).

- ¹⁴ Смертин Григорий Трофимович (1887 – ?), уроженец Томской губернии, бывший унтер-офицер царской армии, единоличник, житель с. Вершинино и Плешково Бийского района. К сентябрю 1933 г. семь раз осуждался за антисоветскую деятельность. (в 1923 г. дважды за невыполнение государственных обязательств, в 1924 г. – за хищение леса, в 1928 – по ст. 58-10 УК, в 1929 г. – по ст. 58-8 УК, в 1929 г. – по ст. 58-10 УК, в 1930 г. – по ст. 73 и 76 УК), был раскулачен и лишен избирательных прав. В 1933 г. приговорен к 10 годам лагерей. В архивно-следственных делах нет четких указаний на конфессиональную принадлежность Смертина. Скорее всего он принадлежал к секте православного толка, хотя в свидетельских показаниях также неоднократно упоминается о его принадлежности к баптистам.
- ¹⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 142. Л. 268; ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6144. Л. 1–42.
- ¹⁶ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 19842. Л. 131.
- ¹⁷ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 18655. Л. 78–87.
- ¹⁸ Здесь и ниже сохранена орфография документа.
- ¹⁹ В качестве улики эти листовки приобщены к следственному делу. См. ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 19842. См. также: Гришаев В.Ф. Невинно убиенные. К истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. Барнаул, 2004. С. 191–192.
- ²⁰ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 19842. Л. 237–238.
- ²¹ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 18655. Л. 78–87.
- ²² ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 18731. Л. 103.
- ²³ Там же. Л. 185–196.
- ²⁴ Там же. Л. 186.
- ²⁵ Там же. Л. 190–195.
- ²⁶ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 22315. Л. 2, 179–184.
- ²⁷ Т.Г. Иванову и И.С. Комову мера наказания была заменена 7 июня 1935 г. Верховным судом РСФСР на 10 лет лишения свободы.
- ²⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 648. Л. 290–291.
- ²⁹ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 22315. Л. 68.
- ³⁰ В постановлении Политбюро речь шла о 55 семействах. В документе о проведении карательной акции речь идет в одном случае уже о 45, в другом случае – о 46 семействах. Очевидно, цифра выселяемых семей была скорректирована в меньшую сторону органами НКВД по согласованию с руководством крайкома ВКП(б). В справке НКВД СССР о выселении кулачества и антисоветского элемента в первой половине 1935 г. от 15 июля 1935 г. сообщается о выселении из Плешково 46 семей «единоличников-сектантов» численностью 163 чел. (См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 551).
- ³¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1013. Л. 32. За сведения из ЦА ФСБ автор благодарит А.Г. Теплякова.
- ³² Там же. Л. 40–42. Это спецсообщение было послано начальником СПО НКВД Г.А. Молчановым А.Н. Поскребышеву, который в свою очередь направил материалы И.В. Сталину, секретарям ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу, А.А. Жданову и Н.И. Ежову, председателю СНК СССР В.М. Молотову и заведующему сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлеву.
- ³³ Там же. Л. 43.
- ³⁴ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 498–502; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. Кн. 1. С. 672–673, 841
- ³⁵ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 24, 550–551; ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1013. Л. 54.
- ³⁶ Там же. Л. 47.
- ³⁷ Красильников С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 98.
- ³⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. С. 121.
- ³⁹ Иоанниты – православная секта, возникшая в конце 19 в., свое название получила в честь св. Иоанна Кронштадтского.

⁴⁰ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12743. Л. 238–252.

⁴¹ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12144. Л. 20.

⁴² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 648. Л. 123–124; ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12766. Л. 263–268.

⁴³ Дело было передано для слушания по общей подсудности краевого суда только потому, что две сессии Спецколлегии крайсуда уже выехали в районы, а дело было необходимо срочно рассмотреть в связи с «к-р саботажем уборочной кампании 1935 г.». Соответствующее решение было принято Президиумом Западно-Сибирского краевого суда 4 сентября 1935 г. (См.: ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12766. Л. 279).

⁴⁴ ГАНО. Ф. 1027. Оп. 3. Д. 260. Л. 10–12.

⁴⁵ Там же. Л. 3.

⁴⁶ Там же. Л. 9.

⁴⁷ Там же. Л. 10.

⁴⁸ Там же. Л. 8.

⁴⁹ Правильно – НКВД.

⁵⁰ Протокол допроса опубликован: Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. Приказ № 00447. Сост. М. Юнге, Р. Биннер и др. М., 2010. С. 519–521.

⁵¹ См. *Гришаев В. Ф.* Невинно убиенные. С. 145–151.

⁵² Судя по показаниям Л.И. Иванова, арестованные жители Плешково отрицали из предъявленных им обвинений главным образом факт участия в «организации»: «[...] когда обвиняемый мне заявлял, что он ни в какой организации не состоял и что он не знает что такое монархическая организация, я объяснял, что это значит то, что ты не вступил, допустим, в колхоз или высказывался против колхозов, следовательно вольно или невольно тянул страну к старым дореволюционным порядкам, убеждал его, что это именно так и многие обвиняемые подписывали эти протоколы допроса» (См.: Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. С. 520).

⁵³ Протоколы заседания тройки см.: ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 5. Д. 129, 231.

⁵⁴ *Rittersporn G.* Das kollektivierte Dorf in der bauuerlichen Gegenkultur // *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg: neue Wege der Forschung.* Muenchen, 1998. S. 147–167.